



Колесо Времени

Мертвое море

острова Айл Даушар

океан Арийт

Бандар Эбан

Север

Фальме

океан Арийт

Манчико

острова Айл Джафар

ТАРАБОН

Эльмор

остров Тремалкин

Джехайнах

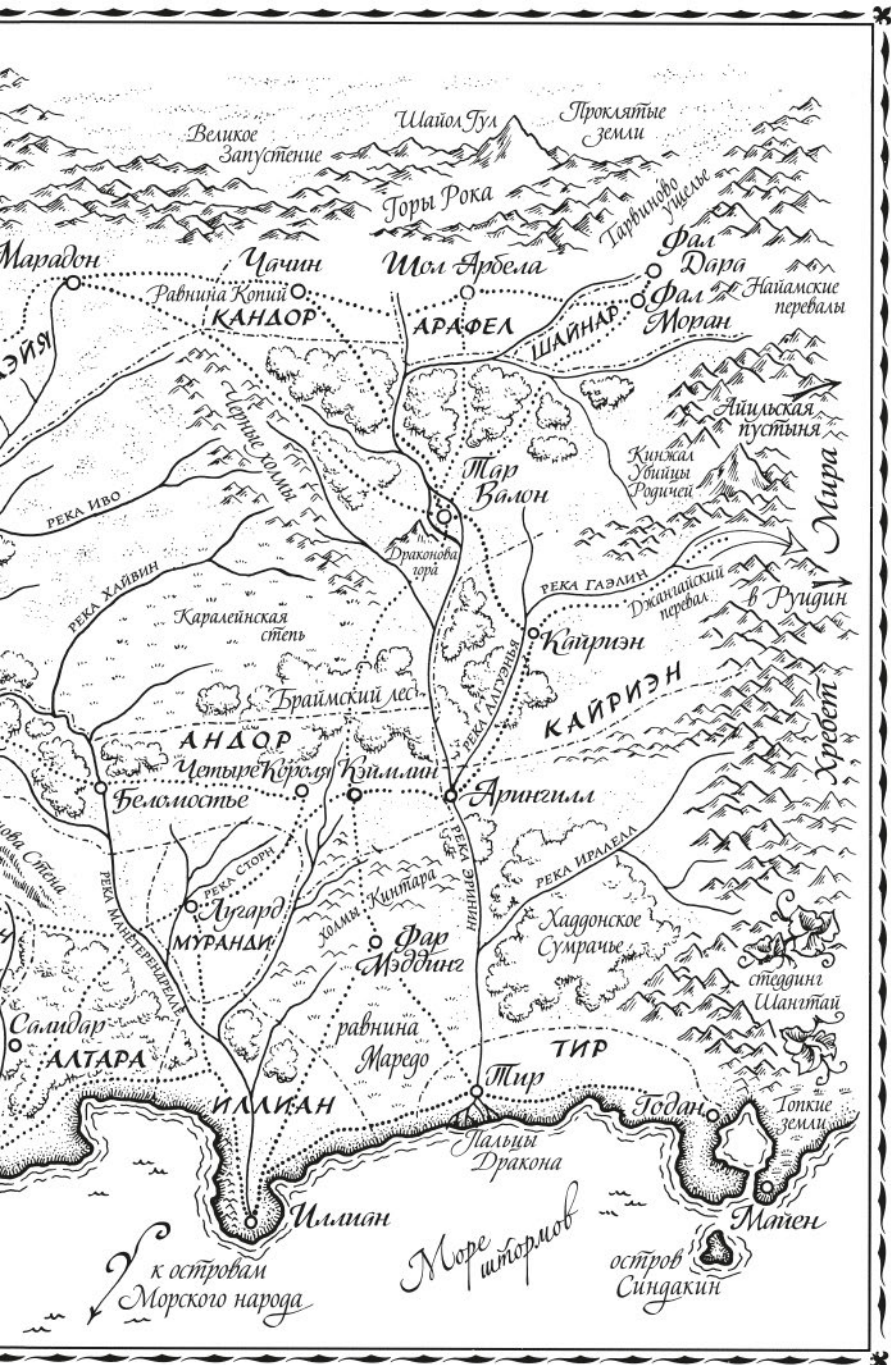
Амалшия

Берег Тени

Палеи Замерзшего под Ветром

остров Куайм

Эбу Дар



# ГЛАВА

## 1



### *Крюк*

Порыв холодного ветра промчался через ночь по покрытым снегом просторам, где последние три дня люди убивали друг друга. Ветер был свежим, хотя и не настолько ледяным, как ожидал Лан в это время года. Но все-таки холод от стальной кирасы проникал под куртку, а пар от дыхания собирался перед лицом облачками тумана, которые хлесткие порывы тотчас уносили прочь. Черное небо только начинало светлеть, и тысячи звезд, разбросанных по небу подобно густой алмазной пыли, понемногу тускнели. Толстый ломоть луны висел низко, в его сиянии едва можно было различить силуэты людей, охраняющих погруженный во мрак лагерь, что прятался в небольшой рожице среди дубов и болотных миртов. Костры тотчас же выдали бы лагерь айильцам. Лан уже сражался с Айил прежде, задолго до начала этой войны, еще в пограничье Шайнара, отдавая долг друзьям. Айил и при свете дня внушали страх. Встретиться с ними ночью — все равно что поставить на кон свою жизнь, играя



в «орлянку». Разумеется, иногда они могут обнаружить тебя и без всяких костров.

Положив ладонь в латной перчатке на рукоять меча и плотнее закутавшись в плащ, Лан продолжил обход постов, по щиколотку увязая в снегу. Этот меч был древним, его создали с помощью Единой Силы еще до Разлома Мира, во времена Войны Тени, когда Темный на какое-то время прикоснулся к мирозданию. Лишь легенды остались от той эпохи, не считая, возможно, того, что было известно только Айз Седай. Однако этот клинок был реальностью. Его невозможно было сломать и никогда не требовалось затачивать. Рукоять на протяжении долгих веков заменяли бесчисленное количество раз, но металл клинка даже не потускнел. Когда-то этот меч принадлежал королям малкири.

Следующий часовой — коренастый парень в длинном темном плаще — стоял прислонившись спиной к стволу развесистого дуба, опустив голову на грудь. Лан тронул его за плечо. Часовой резко выпрямился, чуть не выронив кавалерийский лук, который сжимал рукой в перчатке. Капюшон его плаща скользнул было назад, на мгновение открыв взору конический стальной шлем, но воин торопливо водворил непослушную ткань на место. В бледном свете луны Лан не сумел разглядеть его лицо, скрытое вертикальной решеткой забрала. Но оно было ему знакомо. Шлем самого Лана был открытым, как и все те, что когда-то делали в погибшей стране Малкир. Единственным украшением был стальной полумесяц надо лбом.

— Я вовсе не спал, милорд, — поспешил оправдаться часовой. — Просто решил минутку передохнуть.

Меднокожий доманиец, судя по всему, пребывал в смятении. И не зря. Это не первая его битва и даже не первая война.

— Айилец разбудил бы тебя, Басрам, перерезав глотку или пронзив сердце копьем, — тихо произнес Лан. Люди скорее прислушаются к спокойному тону, нежели к громким крикам. Особенно если в этом спокойствии слышится уверенность и твердость. — Возможно, тебе лучше отойти подальше от этого соблазнительного дерева.

Он не стал добавлять, что даже если Айил не нападут, то часовой рискует отморозить себе что-нибудь, простояв на одном месте слишком долго. Басрам и сам был осведомлен не хуже. В Арад Домане зимы случаются не менее холодные, чем в Пограничных землях.

Бормоча извинения, доманиец почтительно притронулся к шлему и отошел на три шага от дерева. Теперь он держался прямо и старательно вглядывался в темноту. Вдобавок, чтобы не отморозить конечности, он принялся переступать с ноги на ногу. По слухам, ближе к реке расположились Айз Седай, которые владели даром Исцеления: раны и усталость исчезали, словно их никогда не бывало; ведь в ином случае, если начнется гангрена, лишь своевременная частичная ампутация может предотвратить потерю ступни, а то и всей ноги. В любом случае с Айз Седай лучше вообще не связываться, только если это действительно необходимо. Лишь годы спустя можно обнаружить, что одна из них посадила тебя на крючок — просто на случай, если ей когда-нибудь понадобится потянуть за определенную ниточку. Айз Седай загадывают далеко вперед и, по-видимому, редко заботятся о том, кого они используют в своих планах и как. Это одна из причин, по которым Лан избегал их.

Надолго ли хватит бдительности Басрама? Лану очень хотелось знать ответ, но устраивать выговор доманийцу сейчас нет смысла. Все они смертельно устали. Едва ли не каждый солдат в армии, возвышенно именовавшей

себя Большой коалицией — иногда ее называли Великой коалицией или Величайшим альянсом и еще полудюжиной разных имен, порой не особенно лестных, — едва ли не каждый солдат находился на грани истощения. Сражения — тяжелый труд, и не важно, в снегу приходится биться или на голой земле, они предельно утомительны. Мускулы скручивались в узлы от напряжения, даже когда выпадал шанс немного передохнуть; а за последние дни у них практически не было возможности остановиться хотя бы ненадолго и перевести дух.

В лагере находилось более трех сотен человек; и все время почти четверть из них несла караул — против Айил Лан хотел выставить столько дозорных, сколько это возможно. И не успел он пройти двухсот шагов, как ему пришлось разбудить еще троих часовых. Причем один из них вообще спал стоя, ни на что не опираясь. Голова Джайма была поднята, глаза открыты. Некоторым солдатам удавалось выучиться этому фокусу, особенно таким старым солдатам, как Джайм. Оборвав протесты седобородого вояки, доказывавшего, что не мог он спать стоя, Лан пообещал, что даст знать его друзьям, если еще раз застанет его уснувшим на посту.

Джайм постоял немного с раскрытым ртом, потом тяжело сглотнул:

— Больше не повторится, милорд. Испепели Свет мою душу, если повторится!

Сказанное прозвучало действительно искренне. Любой другой мог бы опасаться, что друзья исколошматят его до бесчувствия за то, что он подверг всех опасности, но, учитывая, с кем приятельствовал Джайм, матерый воин, скорее, страшился того, что его поднимут на смех за то, что попался.



Шагая дальше, Лан поймал себя на том, что ухмыляется. Смеялся он редко, да и глупо смеяться над такими вещами. Но все же лучше, чем дергаться из-за того, что все равно не в силах изменить. Например, из-за того, что уставшие солдаты дремлют на посту. С тем же успехом можно переживать из-за близости смерти. Если что-то невозможно изменить, с этим необходимо смириться.

Внезапно Лан резко остановился и громко спросил:

— Букама, зачем ты крадешься за мной? Ты ходишь следом с тех пор, как я проснулся.

За спиной Лана послышалось удивленное хмыканье. Несомненно, Букама полагал, что двигается бесшумно, и, говоря по правде, лишь очень немногие услышали бы тихое похрустывание снега под его сапогами, однако уж он-то должен был знать, что Лан услышит. В конце концов, Букама сам был одним из наставников Лана, и одним из первых его уроков было — везде и всегда отдавать себе отчет в том, что происходит вокруг. Даже во сне. Для мальчика — урок не из легких, но лишь мертвому дозволена беспечность. В Запустении, по ту сторону Пограничных земель, беспечные очень быстро становились мертвыми.

— Я прикрывал тебя со спины, — ворчливо объяснил Букама, догоняя Лана. — Какой-нибудь айильский прищешник Темного, спрятав лицо за черной вуалью, мог бы подкрасться к тебе сзади и перерезать глотку, вопреки всем твоим предосторожностям. Ты что, забыл все, чему я тебя учил?

Широколицый и крепко сбитый Букама ростом почти не уступал Лану, а тот был выше большинства людей. Букама носил малкирский шлем без гребня, хотя имел на него право. Он больше уделял внимания своим обязанностям, чем правам, что было очень похвально, но

иногда Лану хотелось, чтобы он относился к своим правам несколько менее категорично.

Когда страна Малкир исчезла с лица земли, двадцать человек получили задание вывезти маленького Лана Мандрагорана в безопасное место. Лишь пятеро остались в живых после этого путешествия. И именно эти пятеро воспитывали и обучали мальчика с колыбели. Букама был последним из тех пятерых. Его волосы, доходившие до плеч, как предписывала традиция, теперь совсем поседели, но спина оставалась прямой, рука — твердой, а голубые глаза — ясными и зоркими. Букама был воплощением традиций. Тонкий плетеный кожаный ремешок перехватывал поседевшие пряди. За многие годы он оставил глубокий след на лбу воина. Лишь немногие из малкири до сих пор носили *хадори*. Лан — носил. Когда он умрет, хадори все так же будет удерживать его волосы, и даже в могиле на нем будет хадори — и больше ничего. Если, конечно, там, где он погибнет, найдется тот, кто сможет похоронить его. Лан с тоской посмотрел на север, в сторону своего далекого дома. Большинство людей сочли бы странным, что он называет домом такое место, но с тех самых пор, как Лан оказался в южной части континента, он чувствовал, что его неодолимо тянет обратно.

— Я усвоил достаточно, чтобы узнать твои шаги, — ответил Лан.

В слабом свете он не мог разглядеть обветренное лицо Букамы, но Лан не сомневался, что на нем застыло жесткое выражение. Лан не мог представить его другим, даже когда его друг и учитель хвалил его. Букама — сталь, облеченная в плоть. Сталь — его воля, долг — его душа.

— Ты до сих пор считаешь, что Айил присягнули Темному?



Букама сотворил знак, призванный отвратить злые силы, словно Лан произнес настоящее имя Темного. Шайи'ган. Они оба не раз видели, как беда наступала тех, кто произносил это имя вслух, но Букама, подобно многим другим, верил, что даже мысль о нем может привлечь внимание Темного. «Темный и все Отрекшиеся заключены в Шайол Гул, — мысленно повторил Лан строки древнего писания, — они заключены туда Создателем в момент творения. Да обретем мы надежное прибежище под Светом, в руке Создателя!» Он не верил в то, что одной мысли достаточно. Но когда имеешь дело с Тенью, лучше лишний раз поостеречься, чем расхлебывать потом.

— Если это не так, тогда почему мы здесь? — кисло поинтересовался Букама.

Лан удивился. Букама любил поворчать, но его брюзжание всегда касалось лишь всяких мелочей или прогнозов на будущее. Его недовольство никогда не относилось к текущему положению дел.

— Я дал слово остаться до конца, — тихо ответил Лан.

Букама потер кончик носа. На сей раз он хмыкнул несколько смущенно. Трудно было сказать наверняка. Еще один из его уроков: слово мужчины должно быть столь же твердо, сколь клятва, данная под Светом, иначе оно ничего не стоит.

Айил действительно можно было счесть ордой припешников Темного, когда они неожиданно хлынули в долины с громадного горного кряжа, именуемого Хребтом Мира. Они сожгли великий город Кайриэн, опустошили страну Кайриэн и за два последующих года проложили себе путь через Тир. А потом и через Андор. В конце концов они оказались на этих залитых кровью

полях под стенами Тар Валона, огромного города, расположенного на острове посреди реки Эринин. За все годы, прошедшие с тех пор, как на обломках империи Артура Ястребиное Крыло возникли нынешние государства, Айил ни разу не покидали своей Пустыни. Возможно, раньше они и предпринимали подобные вторжения, но никто не мог сказать наверняка, кроме разве что Айз Седай из Тар Валона, но те, по обыкновению женщин Белой Башни, предпочитали молчать. Айз Седай держат при себе то, что знают, и выдают по каплям лишь тогда, когда захотят и если захотят. Однако в мире за стенами Тар Валона многие поговаривали, что происходящие события вполне закономерны. Между Разломом Мира и Троллоковыми войнами минула тысяча лет, — по крайней мере, так считали большинство историков. Во времена Троллоковых войн погибли существовавшие тогда государства, и никто не сомневался, что эти войны направляла рука Темного, хотя он и пребывал в заточении. В этом не было сомнений, так же как и в том, что именно он стоял за Войной Тени, Разломом Мира и концом Эпохи легенд. Спустя тысячу лет после Троллоковых войн Артур Ястребиное Крыло создал империю — и она тоже погибла, вслед за смертью его самого. Ее уничтожила Столетняя война. Некоторые историки утверждали, что видят руку Темного и в этой войне. И вот теперь, почти через тысячу лет после гибели империи Артура Ястребиное Крыло, явились Айил — сжигая и убивая все на своем пути. Тут *должен* крыться свой особый узор. Несомненно, их направлял сам Темный. Лан никогда не пришел бы на юг, если бы не поверил в это. Сейчас он уже больше не верил. Но он дал слово.

Ноги Лана в сапогах с отворотами совсем заледенели. Как бы ни был он привычен к холоду, если слишком

долго стоять в снегу на одном месте, мороз вгрызался в ступни.

— Пойдем, — произнес Лан. — Не сомневаюсь, что мне придется разбудить еще дюжину часовых, если не две.

И после этого еще раз пройти по кругу, чтобы разбудить тех, кто заснул снова.

Но едва они успели сделать хотя бы шаг, какой-то звук заставил их настороженно остановиться: хруст снега под копытами коня. Рука Лана скользнула к рукояти меча. Он почти бессознательно ослабил клинок в ножнах. Судя по едва слышному скрипу стали о кожу, Букама поступил точно так же. Они не боялись нападения: Айил ездили верхом только при крайней необходимости и даже в таком случае садились в седло неохотно. Одинокий всадник, появившийся в такое время, — несомненно, вестник. А гонцы в эти дни редко являлись с добрыми вестями. Особенно по ночам.

Конь и всадник выступили из темноты, следуя за высоким мужчиной, который шел пешком. Судя по кавалерийскому луку, что он нес на плече, — одним из часовых. Изящный изгиб шеи скакуна свидетельствовал о благородных тайренских кровях животного, и сам всадник, несомненно, тоже был родом из Тира. Для начала, ночной ветер разносил по округе благоухание роз, которое распространяла блестящая от ароматических масел остроконечная бородака наездника. Лишь тайронец мог быть настолько глуп, чтобы умащать себя благовониями, будто бы уповая на то, что айильцев природа обделила обонянием. Кроме того, никто другой не носит шлемов с высоким гребнем и щитком, который сейчас скрывал в тени узкое лицо всадника. Если судить по короткому белому перу на шлеме, это — офицер. Весьма странный выбор на роль посланника, даже если он — самый младший по



званию. Ссутулившись в седле с высокими луками, тайренец изо всех сил старался поплотнее закутаться в темный плащ. По-видимому, он дрожал от холода. Тир лежал далеко к югу отсюда. На тирском побережье едва ли хоть раз появлялась снежинка. Лан, несмотря на множество прочитанных книг, никак не мог поверить в это до тех пор, пока не убедился лично.

— Вот он, милорд, — хриплым голосом сказал часовой. Раким, седобородый салдэйец.

Голос этот вместе с рваным шрамом, которым он, кстати, выпив лишку, любил похвастаться, достался ему с год назад от айильской стрелы, пущенной в глотку. Раким считал, что ему крупно повезло, раз он остался в живых, да так оно и было. К несчастью, он полагал, что, обманув смерть один раз, сможет обманывать ее и дальше. Он шел на ненужный риск и даже на трезвую голову любил похваляться своей удачей, что, конечно, весьма глупо. Не стоит искушать судьбу.

— Лорд Мандрагоран?

Всадник натянул поводья, останавливая коня перед Ланом и Букамой.

Не спешиваясь, он недоверчиво рассматривал их, вероятно удивляясь, что их доспехи лишены украшений, а куртки и плащи сшиты из простого сукна и уже заметно поношены. Немного вышивки, конечно, неплохая вещь, но некоторые южане зачастую так увлекаются ею, что в результате одежда скорее напоминает гобелен. Не приходится сомневаться, что под плащом у тайрнца скрывается позолоченная кираса и атласная куртка цветов, подходящих его Дому. На его высоких сапогах наверняка красуется шитый орнамент, который в лунном свете блестит серебром. Как бы то ни было, едва позволив себе перевести дыхание, всадник продолжил:

— Испепели Свет мою душу! Я был уверен, что вы находитесь ближе всех, но уже начал думать, что никогда не найду вас! Лорд Эмарес с шестью сотнями своих дружинников преследует пятьсот-шестьсот айильцев. — Он покачал головой. — Странное дело, но они движутся к востоку. Прочь от реки. Снег замедляет их продвижение. Как, впрочем, и наше. Лорд Эмарес полагает, что если вы, подобно наковальне, встанете на хребте, который здесь называют Крюк, то его люди получат возможность нанести удар, словно молот, по врагу сзади. Лорд Эмарес считает, что они вряд ли успеют добраться туда до рассвета.

Лан поджал губы. У некоторых южан весьма странные представления о вежливости. Не спешил, прежде чем заговорить, не назвал имени. Будучи гостем, он должен был представиться первым. Теперь если сам Лан будет следовать этикету, то репутация гордеца ему обеспечена. Этот парень даже не передал приветствий и пожеланий здоровья от своего лорда! К тому же этот гонец, судя по всему, полагал, что они не знают, что к востоку, — это значит прочь от реки Эринин. Вполне возможно, это просто небрежность речи, но все остальное было просто грубостью. Букама не шевельнулся, но Лан все же предупредительно коснулся ладонью его правой руки. Старый друг иногда бывал обидчив.

Крюк находился в доброй лиге от лагеря, а ночь уже была на исходе. Однако Лан кивнул:

— Передайте лорду Эмаресу, что я буду там вместе с зарей. — Имя лорда Эмареса ему ничего не говорило, но армия была настолько велика — около двухсот тысяч человек более чем из дюжины стран плюс гвардия Башни из Тар Валона и даже отряд Детей Света, — что едва

ли было возможно запомнить больше горстки имен. — Букама, поднимай людей.

Букама сердито что-то прорычал и, сделав Ракиму знак следовать за ним, зашагал к лагерю, выкрикивая на ходу:

— Подъем! Седлайте коней! Мы выступаем! Подъем!

— Медлить не стоит, — посоветовал безымянный тайренец. В его голосе проскользнули повелительные нотки. — Лорд Эмарес будет очень сожалеть, если, схватившись с айильцами, обнаружит, что наковальни нет на месте.

Очевидно, подразумевалось, что если этот Эмарес будет сожалеть, то сожалеть настанет черед Лана.

Лан мысленно представил себе язычок пламени и методично скормил ему все эмоции, не только гнев, но и все остальные, все до последней крупинки, пока не ощутил вокруг себя пустоту. После многолетней практики для достижения *ко'ди*, единения, потребовалось совсем немного времени — лишь один удар сердца. Мысли и даже собственное тело теперь казались чем-то далеким. Лан стал един с землей у себя под ногами, един с окружающей ночной темнотой, един с мечом, который он не поднимет на этого глупого невежду.

— Я сказал, что буду там, — ровным голосом произнес Лан. — Я привык исполнять то, что обещаю.

Желание узнать имя тайреница окончательно улетучилось.

Тот, так и не удосужившись покинуть седло, коротко кивнул, развернул коня и, пришпорив, пустил быстрой рысью.

Лан удерживал *ко'ди* еще несколько мгновений, чтобы удостовериться, что эмоции находятся под строгим контролем. Вступать в битву в гневе более чем неразум-



но. Гнев затуманивает зрение и толкает на глупые поступки. Как этот тайренец ухитрился до сих пор остаться в живых? В Пограничных землях он нарывался бы на дюжину дуэлей в день. Лан — еще раз убедившись, что абсолютно спокоен, почти столь же холоден, как если бы пребывал в единении, — повернулся к лагерю. Вызвав образ скрытого тенью лица тайрнца, он не почувствовал гнева. Хорошо.

Когда Лан добрался до центра раскинувшегося среди деревьев лагеря, все вокруг уже было охвачено деловитой суетой и напоминало разворошенный муравейник. Для опытного взгляда суматоха была вполне упорядоченной и практически бесшумной; ни одно движение, ни один едва слышный звук не были лишними. Палаток, которые пришлось бы сворачивать, не было — ведь когда дело доходит до сражения, вьючные лошади становятся помехой. Некоторые воины уже были верхом, нагрудники застегнуты, шлемы надеты, в руках — кавалерийские копыя с добрым футом стали на конце. Остальные поспешно подтягивали подпруги или прилаживали к седлам короткие луки в кожаных чехлах и колчаны, полные стрел. Медлительные погибли в первый же год войны с Айил. Большинство из оставшихся в живых были салдэйцами или кандорцами, прочие — доманийцами. Кое-кто из малкири тоже отправился на юг, но Лан не стал их вождем. Даже здесь Букама сопровождает его, но не следует за ним.

Навстречу вышел Букама, сжимавший в руке копые. Он держал под уздцы своего светло-чалого скакуна по кличке Солнечный Луч. Следом появился безусый юноша по имени Каниэдрин, который с опаской вел Дикого Кота, принадлежавшего Лану. Гнедой жеребец был выдрессирован лишь наполовину, однако Каниэдрину настоятельно посоветовали вести себя с ним осторожно.

Даже наполовину обученный боевой конь — страшное оружие. Разумеется, кандорец был не настолько наивен, как можно было бы предположить, глядя на его юное лицо. Это умелый и бывалый солдат, искусный лучник. Убивал он весело, часто смеялся посреди сражения. Он улыбался и сейчас, предвкушая грядущую схватку. Дикий Кот тоже нетерпеливо тряс гривой.

Не полагаясь на опытность Каниэдрина, Лан еще раз лично проверил подпруги и только потом принял поводья. Плохо затянутая подпруга может убить не хуже копыя.

— Я рассказал ребятам, что нам предстоит сегодня утром, — сообщил Букама, когда Каниэдрин отправился за собственным конем, — но с этими айильцами наковальня запросто превратится в подушечку для булавок, если молот не подоспеет вовремя.

Он никогда не ворчал в присутствии других — только наедине с Ланом.

— И молот может стать подушечкой для булавок, если он ударит, а наковальни не будет на месте, — возразил Лан, взлетая в седло. Небо уже начало заметно светлеть. Оно было еще темно-серым, но на нем оставалась лишь горстка самых ярких звезд, разбросанных тут и там. — Придется поспешить, чтобы успеть к Крюку с рассветом. По коням! — громко скомандовал он.

Нужно было торопиться. Полмили они проскакали легким галопом, затем рысью, потом повели животных под уздцы быстрым шагом, чтобы после вновь сесть в седла и пустить галопом. Это в сказаниях люди гонят галопом по десять-двадцать миль, но, даже если бы не было снега, проскакать галопом четыре или пять миль — значит обезножить половину лошадей и запалить остальных задолго до того, как отряд добрался бы до Крюка.